

свидетельствуют о фонетической форме *prija*⁵; см. также выше относительно основ **s_rp-*, **trb-*⁶ и т. д. Закономерности клинонисной графики и результаты позднейшей фонетической эволюции не должны вводить нас в заблуждение относительно исходной звуковой структуры этих форм.

Некритически следуя за Ларошем, Хоунк тен Кате наделяет редкую ликийскую букву, имеющую форму ромба (x, по Э. Калинке), звуковым значением *he* (стр. 111). На самом деле это гуттуральный (ср., возможно, родственные именные суффиксы лик. -x ~ этр. -χ; ср. также чередование лик. *sbi:x:aza* ~ *sbicaza* ~ Σπιγαζα); что же касается трактовки лик. x как [he], то она восходит к Х. Педерсену⁷, который отождествил лик. x с кар. e (полагая, вслед за Ф. Борком, что эта карийская буква передает звукосочетание [he], что неверно) и буквосочетанием кар. -he (эта частица интерпретировалась многими исследователями как показатель «генитива», что неверно⁸).

Несмотря на мелкие ущущения подобного рода, монография Хоунка тен Кате представляет собой незаменимый справочник по лунийской ономастике, в особенности сейчас, когда еще не вышли в свет более полные по объему справочники по малоазийской ономастике, составленные Ладиславом Згустой. Очень полезен также и грамматический очерк лийского языка, содержащийся во второй главе.

B. B. Шеворошкин

O. Haas. Das frühitalische Element. Versuch über die Sprache der ersten Indogerwanen Italiens.
Wien 1960, 104 стр.

В послевоенные годы О. Хааса привлекают главным образом три существенных раздела индоевропейской языковой доистории. Это прежде всего реконструкция фригийского языка на основе позднефригийских надписей и отношение языка этих надписей к армянскому — вопрос, как известно, один из самых спорных в индоевропейском языкознании; затем он почти с той же интенсивностью работает над проблемами догреческого субстрата; и, наконец, третья область приложения постоянных интересов Хааса — доиталийская лингво-этническая ситуация на Апеннинском п-ове. Степень этих интересов показывают вышедшие недавно «Исследования по мессапскому языку», содержащие интерпретацию почти всех мессапских надписей с изложением фонетики и морфологии мессапского языка¹.

Монография «Раннеиталийский элемент» посвящена задачам выявления языка первого индоевропейского населения Италии, точнее, доказа-

⁵ Ср. мою рецензию на кн.: G. Huxley. Crete and the Luwians. Oxford, 1961. — Наст. сб., стр. 383.

⁶ См. также мою упомянутую выше статью «Малоазийские языковые параллели».

⁷ См.: H. Pedersen. Lykisch und Hittitisch. København, 1945, § 18.

⁸ Кар. -he воинодится некоторыми исследователями к и.-е. *-sjo (ср. лик. -ha < лув. -ssa), однако кар. h не восходит к *s, как h в лик. A: ср. лик. A *mahāna*, лик. B *masana*, анат. *mas(s)a-na* 'бог' при кар. *mesna*; лик. A *kahba* < *hasba при кар. χsb₁. В карийском в функции «генитива» употреблялись -λ-посессивы (в ликийском — -li-посессивы); в лувийско-ликийской подгруппе хетто-ливийских языков в той же функции употреблялись -s-посессивы (в ликийском A — -h-посессивы).

¹ O. Haas. Messapische Studien. Heidelberg, 1962.

тельству индоевропейского происхождения ряда до сих пор неясных лексических элементов в латинском языке (стр. 5)². Результаты, к которым пришел автор, разумеется, дискуссионны, как в любом исследовании подобного рода, и частично могут быть оспорены, но методологическое значение рассматриваемой работы несомненно. Появление этой книги еще раз убедительно продемонстрировало принципиальную важность метода реконструкции исчезнувших индоевропейских языков по реликтам в дошедших до нас индоевропейских языках, применяемого уже в течение двух с половиной десятилетий для восстановления языков догреческого субстрата³. Вместе с тем труд Хааса — первая попытка распространить методы догреческого языкоznания на итальянские языки, которые в некотором роде представляют более благодарное и, возможно, более плодотворное поле исследования, так как, в отличие от языков догреческого субстрата, сохранившихся в виде заимствований только в греческом языке, доиталийский субстрат, напротив, отразился в четырех итальянских языках, а именно латинском, умбрском, оскском, фалискском и еще, видимо, в этрусском; комбинация доиталийских элементов, засвидетельствованных в указанных языках, может дать относительную хронологию заимствований (стр. 14), что очень затруднительно для догреческого.

Но это отнюдь не значит, что Хаас ищет в доиталийском «пеласгский» язык, как делает вслед за Вл. Георгиевым А. И. Ван-Винdekens во многих своих работах⁴. Мало того, фонетические черты «раннеиталийского» языка, реконструируемого Хаасом, ничего общего не имеют с «пеласгским», это два совершенно разных языка. Сопоставимы и близки лишь методы, применяемые в процессе их реконструкции.

Наиболее своеобразие «раннеиталийскому» придает трактовка индоевропейских смычных, которые в этом языке слились в один ряд простых глухих (*tenuis*) аналогично тохарскому, т. е. и.-е. *d, *dh, *t; *b, *bh, *p; *g, *gh, *k — все перешли в t, p, k. Из фонетических черт «раннеиталийского», постулируемых Хаасом, отметим еще следующие: переход и.-е. *o в a; все и.-е. *i-дифтонги, видимо, отражаются как ai; и.-е. *ai и *eu в начале слова дают iu, параллельно этому в ряде слов на месте начальных и.-е. *i или *äi и *ai появляется lu, в то же время и.-e. *öi в аиляуте переходит в lü; начальное и.-е. *u — в f; и.-е. плавные *r и *l — в ar и al(la); и.-е. *n — в en.

Такая фонетическая система соответствий довольно проста, но при различных комбинаторных звуковых изменениях, допускаемых автором,

² Здесь и далее в скобках указаны страницы рассматриваемой книги.

³ О ценности этого метода см.: M. Lejeune. Linguistique préhellénique. — REA XLIX, 1—2, 1947, стр. 25 сл. W. Merlingen. [Рец. на кн.] A. J. Van Windekens. Le Pélasgique. — IF 61, 2, 1954, стр. 299; B. Н. Топоров. Некоторые соображения относительно изучения истории праславянского языка. — Сб. «Славянское языкоzнание». М., 1963, стр. 10; Вяч. Вс. Иванов. [Рец. на кн.] W. Merlingen. Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen. — ВЯ 1955, № 6, стр. 124; U. Schmoll. Die vorgriechischen Sprachen Siziliens. Wiesbaden, 1958, стр. 52. — В близкой манере работает И. Губшмид, выявляя дороманские элементы (индоевропейские и неиндоевропейские) по лексическим заимствованиям в современных диалектах Средиземноморья и примыкающих к нему областях Центральной и Западной Европы (J. Hubschmid. Praeromanica. Bern, 1949; его же. Alpenwörter. Bern, 1951; его же. Pyrenäenwörter. Salamanca, 1954; его же. Mediterrane Substrate. Bern, 1960 и др.).

⁴ См., например: A. J. Van Windekens. Le Pélasgique. Louvain, 1952; его же. Etudes sur le vocabulaire prégréco et prélatin. — LP VI, 1957, стр. 7 сл.; его же. Deux mots latins d'origine préitalique. — «MNHN XAPIN, Gedenkschrift P. Kretschmer» II. Wien, 1957, стр. 213 сл.

она приводит к весьма сложным результатам, подчас недостаточно обоснованным. Это особенно ощущается в этимологических сопоставлениях, служащих одновременно источником и иллюстрацией (что неизбежно в подобных работах) гипотезы о фонологической конвергенции смычных фонем в «раннеиталийском». Здесь вполне уместна аналогия с тохарским, где те же обстоятельства приводят к немалому числу произвольных этимологий⁵. Но сравнение будет далеко не в пользу «раннеиталийского», если учесть, что тохарский зафиксирован многими текстами, представляющими собой большей частью переводы буддийских рукописей, которые дают возможность при соблюдении определенных условий вести этимологическую работу по тохарскому языку с достаточной эффективностью⁶. Кроме того, многочисленные исключения в трактовке индоевропейских смычных в большой степени увеличивают вероятность случайных и неубедительных сопоставлений. Так, и.е. *gh реализуются в «раннеиталийском» как k, например: *parco* < *bhorghos (стр. 22 сл.), *cavea* < *gheueiā (стр. 24 сл.); как g, например: *tragula* < *dhrōghla (стр. 26, на стр. 50) из *dhrāghlā), *iugulum* < *augh- (стр. 52); и как h, например: *traho* < *dhroghō; между прочим, и.е. *gh дает d, например: *fendicæ* < *pñgho-kā (стр. 42). В трактовке и.е. *bh также имеются исключения,ср. *carpinus* < *grabho- (стр. 30 сл.), но *cubitus* < *ghubhi-to (стр. 27).

Хотелось бы сделать еще одно замечание скорее терминологического характера. Превращения, проишающие в «раннеиталийском» с индоевропейскими смычными, Хаас характеризует термином «передвижение согласных» (*Laufverschiebung*), что вряд ли целесообразно. В индоевропейских языках, видимо, только в трех случаях правомочно говорить о «передвижении согласных»: определенно в германском и армянском⁷ и с меньшей определенностью, в силу специфики методов исследования, в языках догреческого субстрата⁸. Единственный существенный признак «передви-

5 В. В. Иванов. Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков. — Сб. «Тохарские языки». М., 1959, стр. 9.

6 См.: В. Н. Топоров. Тохарская этимология за двадцать лет. — Сб. «Этимология». М., 1963, стр. 236 сл.

7 Э. Бенвенист даже полагает, что «передвижение согласных» наблюдалось лишь в германских языках (Э. Бенвенист. Проблема армянского консонантизма. — ВЯ 1961, № 3, стр. 38).

8 Кроме того, предполагают «передвижение согласных» во фракийском (В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 136 и др.); во фригийском (О. Н. ааs. *Die phrygische Sprache im Lichte der Glossen und Namen*. — «Балканско-евразийское изучение» 1960, II, стр. 36 сл.; в го же. *Armenier und Phryger*. Там же, 1960, III, 2, 1961, стр. 34 сл.; в го же. *Zur Vorgeschichte der armenischen Sprache*. — «Handes Amsorga». Wien, 1961, № 10—12, стб. 573 сл. и др. Против Р. Гусмана, считающий, что иноевропейские смычные во фригийском, за некоторым исключением, никаких изменений не претерпели: R. Gusmani. Il frigio e le altre lingue indeuropee. — «Bendiconti» 93, 1, 1959, стр. 20); в хеттском (Г. В. Гамкрелиձան. Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке. — «Переднеазиатский сборник». М., 1961, стр. 211 сл. Против: В. Шеворошкин. Малоазийские языковые параллели. — Наст. сб., стр. 142 сл.). Диаметрально противоположна точка зрения А. Хойбека, который утверждает, что во всех этих языках, включая догреческий, «передвижения согласных» не было, а наблюдается какое-то безразличие в фиксации смычных вследствие нечувствительности к их артикуляции под воздействием неиндоевропейского субстрата (А. Нейвекс. [Рец. на кн.:] D. Detzschew. Die thrakischen Sprachreste. — BNF 9, 1958, стр. 119; в го же. *Rhaegrasa*. Erlangen, 1961, стр. 19, 59, 81. Ср.: В. Шеворошкин. Новые исследования по хеттологии. — ВЯ 1964, № 3).

жения согласных» — сохранение дистанции между всеми тремя фонологическими рядами индоевропейских смычных — пока засвидетельствован лишь в упомянутых языках. По этой причине изменения индоевропейских смычных в «раннеиталийском» с фонологической точки зрения не являются «передвижением».

Высказанные замечания, однако, не умаляют определенной полезности этого оригинального труда, разумеется, не только для исследователя итальянских языков, особенно в отмеченном выше смысле. В качестве примера целесообразно привести несколько этимологий, демонстрирующих потенциальные возможности подхода Хааса: *pīnguis* 'толстый, жирный' паряду с греч. πάχυς 'толстый, плотный', др.-инд. *bahū-* 'плотный, густой, обильный, многий' возводится к и.-е. *bh_ngħu- (стр. 24 сл.); *uterus* 'чрево, живот, материнская утроба', др.-инд. *udāram* 'живот, брюхо', греч. ὅδερος' γαστῆρι το же (Гесиций) — к и.-е. *udero- (стр. 37); *uter*, *uteris* 'мех, бурдюк', греч. ὅδρια 'кувшин' etc. — к и.-е. *udro- (там же). Заметим, что с тем или иным объяснением все приведенные сопоставления уже встречались в научной литературе⁹, но пока лишь гипотеза Хааса находит им единобразное обоснование.

Между прочим, этимологический материал может в какой-то мере заинтересовать и славистов, поскольку примерно из 60 этимологий, помещенных в книге, около 20 включают славянские соответствия. Не вдаваясь в подробности, укажем на некоторые раннеиталийско-славянские сопоставления: *carpinus* 'граб, *Carpinus betulus*' — русск. граб, грабина то же (стр. 30); *calva* 'череп' — ст.-слав. *глava* (праслав. *golva) (стр. 34); *columba* 'голубь' — слав. *golgbъ* то же (там же); *flocus* 'клошок шерсти, пушинка' — русск. волокно (стр. 40); *gladius* 'меч' — ст.-слав. *кладнъ* 'молот' (стр. 50).

Все изложенное — фонетические закономерности, этимологии, послужившие фундаментом для выделения «раннеиталийского» слоя в латинском, — трактуются во II части, носящей название «Frühitalisches Wortgut im Lateinischen» (стр. 22—54). Две прочие части интересны, но менее существенны. I часть (*Einleitung*), состоящая из двух разделов — «Die ungriechischen indogermanischen Elemente in Griechenland» (стр. 5—12) и «Die Substratforschung auf dem Boden Italiens» (стр. 12—22), — целиком посвящена методологическим вопросам. III часть — «Anhaltspunkte für die Herkunft des frühitalischen Elements» (стр. 54—58), — несмотря на отдельные удачно поставленные проблемы, например: Frühitaliker und Sikuler (стр. 82—84), Frühitalisch und Etruskisch (стр. 85—86), имеет чисто гипотетический характер. Мысль автора, что «раннеиталийский» язык, который был якобы распространен на западных берегах Италии, прежде всего в Лигурии и Этрурии, до появления там этрусков, следует связывать с переселением в эти места носителей культуры Террамары, покончился на явно недостаточной фактической базе.

Л. А. Гиндин

А. И. Харсекин. Вопросы интерпретации памятников этрусской письменности. Ставропольское книжное изд-во, 1963, 92 стр.*

Рецензируемая работа представляет собой результат многолетних изысканий А. И. Харсекина в области этрунского языка. Монография состоит из Введения (стр. 5—12), трех глав (1. Методы интерпретации

* См. *sub verbis: Walde; Ergo ut — Meillet* ⁴.

* Ср. также немецкое издание (несколько видоизмененное по сравнению с русским): A. I. Charsekīn. Zur Deutung etruskischer Sprachdenkmäler. Frankfurt, 1963, 96 стр.